

**Список рекомендованной литературы
для первоклассников на лето.**

Эти книги стоит прочесть каждому первокласснику летом, чтобы

- грамотно писать;
- красиво строить собственные высказывания;
- не скучать на выходных;
- было о чём поговорить с родителями и, конечно, с друзьями;

Ханс Кристиан Андерсен "Принцесса на горошине",
"Стойкий оловянный солдатик", «Снежная королева», «Дюймовочка» и
другие

Астрид Линдгрен "Три повести о Малыше и Карлсоне",
"Мио, мой Мио".

Вильгельм Гауф "Калиф-аист", «Карлик Нос»

Алан Милн "Винни Пух и все-все-все" / в переводе Бориса Заходера

Братья Гримм "Король Дроздобород", "Умная Эльза" и другие

Шарль Перро "Спящая красавица".

Джанни Родари "Путешествие Голубой стрелы";
«Приключения Чипполино»

Александр Пушкин "Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях",
"Сказка о царе Салтане..."

Петр Ершов "Конек-горбунок".

Павел Бажов "Серебряное копытце", "Голубая змейка".

Корней Чуковский "Доктор Айболит", "Тараканище", "Бармалей".

Геннадий Цыферов "Как лягушонок искал папу"; "Паровозик из
Ромашково"

Рассказы о детях и для детей.

Лев Толстой "Три медведя", "Как дядя Семен рассказывал про то, что с ним в лесу
было", "Корова", "Филипок".

Николай Носов. "Живая шляпа". "Дружок". "Фантазеры". "Карасик". "Веселая
семейка" и другие рассказы. "Приключения Незнайки и его друзей".

Виктор Драгунский. "Он живой и светится..."

Валентина Осеева. "Волшебное слово", "Почему?", "Синие листья".

Борис Житков. Как я ловил человечков; Морские рассказы

О животных.

Виталий Бианки. Синичкин календарь. Лесные домишки. Оранжевое горлышко.

Геннадий Снегирев. Скворец. Хитрый бурундучок

Николай Сладков. Разноцветная земля. Лесные сказки.

Михаил Пришвин. Еж. Ребята и утята.

Иван Соколов-Микитов. Листопадничек.

Для чтения с родителями и размышления

Борис Ганаго ПИСЬМО БОГУ <http://azbyka.ru/fiction/nebesnyj-gost/>

Это произошло в конце XIX столетия.

Петербург. Канун Рождества. С залива дует холодный, пронизывающий ветер. Сыплет мелкий колючий снег. Цокают копыта лошадей по булыжной мостовой, хлопают двери магазинов — делаются последние покупки перед праздником. Все торопятся побыстрее добраться до дома.

Только маленький мальчик медленно бредет по заснеженной улице. Он то и дело достает из карманов ветхого пальто озябшие покрасневшие руки и пытается согреть их своим дыханием. Затем снова засовывает их поглубже в карманы и идет дальше. Вот останавливается у витрины булочной и разглядывает выставленные за стеклом кренделя и баранки.

Дверь магазина распахнулась, выпуская очередного покупателя, и из нее потянуло ароматом свежее испеченного хлеба. Мальчик судорожно сглотнул слюну, потоптался на месте и побрел дальше.

Незаметно опускаются сумерки. Прохожих становится все меньше и меньше. Мальчик приостанавливается у здания, в окнах которого горит свет, и, поднявшись на цыпочки, пытается заглянуть внутрь. Немного помедлив, он открывает дверь.

Старый писарь сегодня задержался на службе. Ему некуда торопиться. Уже давно он живет один и в праздники особенно остро чувствует свое одиночество. Писарь сидел и с горечью думал о том, что ему не с кем встречать Рождество, некому делать подарки. В это время дверь отворилась. Старик поднял глаза и увидел мальчика.

— Дяденька, дяденька, мне надо написать письмо! — быстро проговорил мальчик.

— А деньги у тебя есть? — строго спросил писарь.

Мальчик, теребя в руках шапку, сделал шаг назад. И тут одинокий писарь вспомнил, что сегодня канун Рождества и что ему так хотелось сделать кому-нибудь подарок. Он достал чистый лист бумаги, обмакнул перо в чернила и вывел: “Петербург. 6 января. Господину...”

— Как фамилия господина?

— Это не господин, — пробормотал мальчик, еще не до конца веря своей удаче.

— Ах, это дама? — улыбнувшись, спросил писарь.

Нет-нет! — быстро проговорил мальчик.

- Так кому же ты хочешь написать письмо? — удивился старик,

— Иисусу.

— Как ты смеешь насмеяться над пожилым человеком? — возмутился писарь и хотел указать мальчику на дверь. Но тут увидел в глазах ребенка слезы и вспомнил, что сегодня канун Рождества. Ему стало стыдно за свой гнев, и уже потеплевшим голосом он спросил:

— А что ты хочешь написать Иисусу?

— Моя мама всегда учила меня просить помощи у Бога, когда трудно. Она сказала, что Бога зовут Иисус Христос. — Мальчик подошел ближе к писарю и продолжал: — А вчера она уснула, и я никак ее не могу разбудить. Дома нет даже хлеба, мне так хочется есть, — он ладонью вытер набежавшие на глаза слезы.

— А как ты ее будил? — спросил старик, поднявшись из-за своего стола.

— Я ее целовал.

— А она дышит?

— Что ты, дяденька, разве во сне дышат?

— Иисус Христос уже получил твое письмо, — сказал старик, обнимая мальчика за плечи.

— Он велел мне заботиться о тебе, а твою маму забрал к Себе.

Старый писарь подумал: “Мать моя, уходя в мир иной, ты велела мне быть добрым человеком и благочестивым христианином. Я забыл твой наказ, но теперь тебе не будет стыдно за меня”.

Однажды много лет назад девочку Машу приняли за Ангела. Случилось это так.

В одной бедной семье было трое детей. Их папа умер, мама работала, где могла, а потом заболела. В доме не осталось ни крошки, а есть так хотелось. Что делать?

Вышла мама на улицу и стала просить милостыню, но люди, не замечая её, проходили мимо. Приближалась Рождественская ночь, и слова женщины: “Не себе прошу, детям моим... Христа ради!” тонули в предпраздничной суете.

В отчаянии она вошла в церковь и стала просить о помощи Самого Христа. Кого же ещё оставалось просить?

Вот тут, у иконы Спасителя, Маша и увидела женщину, стоявшую на коленях. Лицо её было залито слезами. Девочка никогда раньше не видела таких страданий.

У Маши было удивительное сердце. Когда рядом радовались, и ей хотелось прыгать от счастья. Но если кому-то было больно, она не могла пройти мимо и спрашивала:

- Что с тобой? Почему ты плачешь? И чужая боль проникала в её сердце. Вот и теперь она склонилась к женщине:

- У вас горе?

И когда та поделилась с ней своей бедой, Маша, которая никогда в жизни не испытывала чувства голода, представила себе троих одиноких, давно не видевших еды малышей. Не задумываясь, она протянула женщине пять рублей. Это были все её деньги.

По тем временам это была значительная сумма, и лицо женщины просияло.

- А где ваш дом? – на прощание спросила Маша. С удивлением она узнала, что живёт бедная семья в соседнем подвале. Девочка не понимала, как можно жить в подвале, но она твёрдо знала, что ей нужно сделать в этот рождественский вечер.

Счастливая мать, как на крыльях, летела домой. Она накупила еды в ближайшем магазине, и дети радостно встретили её.

Вскоре запылала печка и закипел самовар. Дети согрелись, насытились и притихли. Стол, уставленный едой, был для них неожиданным праздником, почти чудом.

Но тут Надя, самая маленькая, спросила:

- Мама, а правда, что в Рождественскую мочь Бог посылает детям Ангела, и тот приносит им много-много подарков?

Мама прекрасно знала, что гостинцев им ждать не от кого. Слава Богу и за то, что Он уже им дал: все сыты и согреты. Но малыши есть малыши. Им так хотелось иметь в Рождественский праздник ёлку, такую же, как у всех остальных детей. Что она, бедная, могла им сказать? Разрушить детскую веру?

Дети настороженно смотрели на неё, ожидая ответа. И мама подтвердила:

- Это правда. Но Ангел приходит только к тем, кто всем сердцем верит в Бога и от всей души молится Ему.

- А я всем сердцем верю в Бога и от всей души молюсь Ему, – не отступала Надя. – Пусть он пошлёт нам Своего Ангела.

Мама не знала, что сказать. В комнате установилась тишина, только поленья потрескивали в печке. И вдруг раздался стук. Дети вздрогнули, а мама перекрестилась и дрожащей рукой открыла дверь.

На пороге стояла маленькая светловолосая девочка Маша, а за ней – бородатый мужик с ёлкой в руках.

- С Рождеством Христовым! – радостно поздравила хозяев Машенька. Дети замерли.

Пока бородач устанавливал ёлку, в комнату вошла Машина няня с большой корзиной, из которой сразу же стали появляться подарки. Малыши не верили своим глазам. Но ни они, ни мама не подозревали, что девочка отдала им свою ёлку и свои подарки.

А когда неожиданные гости ушли, Надя спросила:

- Эта девочка и была Ангел?

Славик никак не мог запомнить стихи, заданные на завтрашний день. Учил, учил, а они всё из головы выскакивали. “И зачем их только нам задали? — морщил он лоб. — Хоть бы Пушкина или Лермонтова, а то стих какого-то Бунина зубрить надо”. Название сразу запомнилось: “Слово”, а дальше — никак.

Молчат гробницы, мумии и кости,

Лишь слову жизнь дана:

Из древней тьмы, на мировом погосте,

Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!

Умейте же беречь

Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,

Наш дар бессмертный — речь.

Повторял, повторял Слава, потом вздохнул и бросил. Всё, двойка обеспечена!

Литераторша обязательно спросит. Она всегда чувствует, когда не приготовишь. Насквозь видит. Ведьма! Если бы она заболела и урок отменили — вот здорово было бы!

Вообще-то Славик не хотел другим зла. Он любил мысленно странствовать: то к папуасам слетает, то на дикий Север к моржам его занесёт, то на пирамиду вскарабкается. Как-то по телевизору говорили, что в пирамиде особыми приборами расслышали разговор жрецов. Их уже нет, а голоса звучат. Они что-то там обсуждали при захоронении фараона. Прошли века, исчезли жрецы, государство, а слова остались, витают, живут. Вот здорово! Славик задумался об этой тайне.

Вдруг он оказался у каких-то невиданных ворот. Ему захотелось пройти в них, однако они были закрыты. Слава толкнул дверь, но она не открылась, и тут зазвучал голос:

— Святослав! Ты находишься у входа в необыкновенную страну: в ней сбывается каждое произнесённое слово. Но сюда, ты же сам понимаешь, не всех можно пускать. Прежде чем открыть эти ворота, мы испытываем всё, что человек успел не только сказать, но и то, что было в его мыслях. Знаешь ли, что сказанное слово живёт всегда?

— Нет... Не знаю, — растерянно признался мальчик.

— Знаешь ли ты, что может совершить слово?

— Нет... Не знаю, — ещё больше смутился Слава.

— А какими бывают слова, ты знаешь?

— Какими-какими... Разными...

Вдруг зазвучала красивая музыка, и на фоне неба загорелись разноцветные буквы.

Славик стал читать: “Слово — семя, сеющее добро. Словом можно умудрить, исцелить, освятить. Словом можно отравить душу, ранить, развратить, посеять зло. Каков язык — такова и душа”.

И опять зазвучал голос:

— В страну тьмы и жути попадают говорящие плохие слова. Не говорил ли ты их?

— Нет, не говорил! — заверил Слава.

— Как не говорил? А это кто сказал?

И вдруг на небе возникли чёрные буквы: “Ведьма! Если бы она заболела и урок отменили — вот здорово было бы!”

Слава поник головой.

— Не падай духом! У тебя ещё есть возможность смыть свои злые слова покаянием. Без покаяния мы не сможем впустить тебя в эту страну.

— А что там? — не удержался Славик.

— Нет таких слов, чтобы описать её. Хочешь ли ты туда попасть?

Утром Слава пришёл в школу, а урок действительно отменили. Учительница литературы заболела.

Рыбакова С.Н. Сказка о славе

<http://azbyka.ru/fiction/svetlaya-radost-sbornik-xristianskix-skazok/>

Жила-была на свете Ворона. Молодая, веселая и очень даже симпатичная. Надо сказать, что это была не совсем обыкновенная птица. Нет, она не имела белого оперения, цвет ее перышек соответствовал привычному вороньему крылу. Внешне она ничем не отличалась от своих подруг.

Но своим чутким сердцем и ошеломительной мечтательностью эта Ворона совершенно не походила на остальных птиц. И к тому же у нее было два очень странных желания. Первое — чтобы люди приняли ее в круг своих друзей. Люди были для нее верхом совершенства. Они так не похожи на ворон: очень красиво каркают, ходят на лапках, а не прыгают и не семят, как некоторые. Из любви к человечеству она даже научилась каркать: «Здравствуй» — совсем как принято в их обществе. А второе желание Вороны было еще удивительней. Больше всего на свете ей хотелось прославиться, чтобы все говорили, глядя вслед ее полету:

— Это не та ли самая Ворона?

— Да, да. Она.

— Надо же, та самая. Посмотрите, она так красиво летит, почти как орлица...

У Вороны от таких фантазий кружилась голова и сладко замирало сердце. Но она не знала, что надо сделать, чтобы о тебе все заговорили. Она долго и мучительно думала бессонными ночами и вот однажды каркнула: «Эврика! Я знаю! Для того, чтобы прославиться, надо стать артисткой, составить концертную программу и отправиться гастролировать по свету. И вот тогда люди распахнут свои дружеские объятия птичьему таланту, и все начнут меня узнавать». Наша Ворона действительно оказалась талантливой, деятельной и живо принялась за работу. Теперь она, как попугай, днями напролет твердила слово «здравствуй», подмигивала левым глазом, плясала вприсядку и выписывала в воздухе головокружительные пируэты. Училась красиво кланяться и галантно шаркать ножкой, довольно долго прыгала, вертелась, прихорашивалась, навешивая на себя приворованные блестяшки, — словом, трудилась добросовестно. И вот однажды Ворона решила, что пришла пора устроить дебют.

Перед выходом в свет Ворона очень волновалась. Она облетела полгорода, прежде чем облюбовала себе один многолюдный вход в метро и устроилась там на высоких перилах каменной лестницы.

С трепетом поглядывая в сторону людей, Ворона никак не решалась начать представление, но наконец отважилась и, поблескивая намотанной на шее мишурой, подошла к молодому человеку, сидевшему на перилах лестницы. Она кивнула ему головой, задорно подмигнула левым глазом и каркнула:

— Здравствуй!

Молодой человек обомлел и тоже кивнул головой. А Ворона, воодушевившись таким началом, пустилась плясать «барыню».

Скоро вокруг них собралась огромная толпа.

— Смотрите, какие Ворона номера откальывает!

Все хлопали в ладоши, никто не мог удержаться от смеха.

«Какой успех! — думала радостно Ворона. — Теперь обо мне узнают. Мечты все-таки рано или поздно сбываются».

Но недолго пришлось ей почивать на лаврах. Под конец представления в толпе произошла дискуссия:

— Откуда эта птица?

— Наверное, из цирка сбежала.

— Надо ее изловить. Позвонить в цирк и найти хозяина.

Ворону схватили, когда она, закатив от избытка чувств глаза, кланялась после очередного номера, и довольно грубо спрятали в сумку. Горячо любимые ею люди решили, что таланты надо беречь, посадили уникальную птицу в клетку и отправили в находившуюся неподалеку гостиницу. Она будет жить там до тех пор, пока не найдется хозяин, решили они.

Сначала, когда незадачливая дебютантка еще не распробовала горькие плоды славы, она выступала перед туристами, которые смеялись и хлопали в ладоши. Со временем ей это надоело. Хотелось расправить крылья, попрыгать на одной ножке, вырваться на волю. Но железные прутья клетки напоминали о популярности.

Ворона теперь уже ни с кем не здоровалась, тоскливо смотрела в окно, где подружки резвились на воле, и думала: «Эх ты, глупая птица! И далась тебе эта слава...»